

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ

РАЗБОРКА ПО-КРЕМЛЕВСКИ

Засекреченный

Сергей Зверев

Разборка по-кремлевски

«ЭКСМО»

2006

Зверев С. И.

Разборка по-кремлевски / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2006 — (Засекреченный)

На Красной площади орды фашиствующих молодчиков. Омоновцы разбегаются под ударами арматурных прутьев и градом камней. Лидер фашистов призывает смести нынешнюю власть. Все это происходит в результате заговора генералов, которые похитили Президента во время его поездки по стране. Но не знают генералы-предатели, что личный друг главы государства засекреченный суперагент спецслужб Клим Бондарев уже собирает группу спецназа и готовит захват организаторов заговора. Так что переворот пойдет совсем по другому сценарию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Разборка по-кремлевски

Глава 1

Зеркальный потолок сауны отражал бирюзовые воды глубокого бассейна, шероховатый мрамор пола, стильную мебель и огромные аквариумы с золотыми рыбками у стен.

За накрытым столом в комнате отдыха сидело трое: пожилой седоватый мужчина в тонких золотых очках, упитанный розовощекий здоровяк и невзрачный тип с бегающими глазками.

– Ну что – за встречу! – на правах хозяина предложил здоровяк, поднимая рюмку с водкой.

– Сидишь тут и не знаешь – когда еще раз получится, – нервно поддакнул невзрачный.

– Все зависит от нас самих, – успокоительно улыбнулся обладатель золотых очков.

Рюмки сошлись с мелодичным звоном.

– Боюсь, очень скоро ничего ни от кого зависеть не будет, – мрачно резюмировал невзрачный и выпил.

В тот погожий сентябрьский вечер в сауне коттеджа, расположенного на Рублевке, собрались одни из самых влиятельных людей современной России.

Лицо седоватого мужчины в золотых очках наверняка знал едва ли не каждый телезритель пятой части суши. Глеб Чернявский давно уже имел репутацию самого продвинутого кремлевского политтехнолога, автора великого множества успешных и не очень успешных закулисных пиар-проектов.

В отличие от Чернявского, невзрачный тип с нервными жестами всегда сторонился публичности, предпочитая держаться в тени. Алексея Кечинова обязывал к этому не только высокий статус одного из столпов администрации президента, но и откровенная неприязнь к роли «героя телевизионного манежа».

Розовощекий здоровяк – хозяин рублевского коттеджа – полностью разделял подобные взгляды, но по другой причине. Нелюбовь к телекамерам развита у ге-бешников на уровне спинномозгового рефлекса, а уж тем более – у влиятельнейших генералов центрального лубянского аппарата, каковым и был Юрий Подобедов.

Причина, побудившая этих людей собраться, выглядела более чем серьезно – грядущие президентские выборы в России...

– На третий срок он не пойдет, – категорично заявил Кечинов. – Пробовали его и так, и эдак уломать – ни в какую. Мол, я не какой-нибудь диктатор наподобие Лукашенко, конституцию уважаю, менять под себя не буду.

– Значит, нам следует ожидать другого президента, – вздохнул Подобедов, вновь разливая спиртное.

– ...у которого, естественно, будут свои друзья, – Кечинов прекрасно понял ход мысли собеседника. – И уж тогда всем нам в лучшем случае придется потесниться. А в худшем...

И хотя высокопоставленный функционер администрации президента не закончил фразы, все и так прекрасно поняли, что он имеет в виду: вполне возможны опалы, отставки, понижения и прочие крупные неприятности.

– Что скажут наши политтехнологи? – Кечинов испытывающе взглянул на Чернявского.

– Все зависит только от нас, – вновь повторил тот и, поправив то и дело сползающие очки, продолжил: – Я думаю, нынешний глава Российской Федерации постарается сохранить преемственность власти.

– Наследник? – вставил лубянский генерал.

– Ну, что-то вроде того.

– И что ты предлагаешь? – высокопоставленный чиновник президентской администрации нервно почесал живот.

– Что, что... Неужели неясно? – Чернявский бегло осмотрелся по сторонам – сауна вполне могла прослушиваться и просматриваться.

– Говори, наши техники тут все проверили, посторонних ушей и глаз нет, – успокоил чекист. – Я сюда даже молодых девок-оперативниц вожу.

– Неплохо бы подобрать наследника самим. Удобного и дураковатого... Эдакую марионетку, чтобы его можно было за ниточки дергать.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! – щегольнул знанием фольклора Кечинов. – Как ты себе это представляешь? Вывести наследничка в инкубаторе, привести в Кремль за ручку и сказать: мол, назначай?! Так ведь «сам» – парень не промах! Боюсь – не поведется. К тому же электорат президента все еще любит. Факт, а не реклама!

– Если тебя интересует технология промоушена наследника – это не так сложно, как кажется. Я уже и рецептуру знаю, – успокоил политтехнолог и, выждав паузу, выдал рецепт: —Фашистский бунт в России!

– Ты чего это... – чекист начал медленно закипать. – Ты уже одну революцию в Украине пытался обломать. Когда ихнему предыдущему президенту уголовного с двумя судимостями в наследнички подобрал... Забыл, в чей предвыборный штаб входил? И каким глубоким майданом все это закончилось?

Чернявский тонко улыбнулся, глядя поверх очков.

– Не надо драматизировать. Я уже все продумал. Есть же такое понятие – «управляемый взрыв». Управляемой нами... Сперва – находим харизматичного подонка, способного повести за собой толпу, особенно – идеологически незрелой молодежи. Придется пойти на финансовые вливания... Чтобы организовать ему как минимум несколько десятков тысяч боевиков. Оружие, пиво, наркота тоже денег стоят. Все это должно вылиться в массовые погромы и большую кровь. Страну ставим на дыбы и замораживаем в ожидании еще большего ужаса. И тут наш человек эту срань геройски усмиряет. Полученного политического капитала ему с лихвой хватит, чтобы баллотироваться в президенты.

– Наш человек тоже должен быть харизматичным подонком? – догадался чекист.

– Естественно, – Чернявский нехорошо улыбнулся. – Я бы даже сказал – полнейшим уродом. Но с во-от такой вот харизмой, не без того.

– Ну, и... – кремлевский администратор заинтересованно взглянул на политтехнолога.

– ...для полнейшего успеха и гарантии от вмешательства следует, во-первых, регулярно снабжать нынешнего президента заведомо ложной информацией о том, что происходит в стране, а во-вторых – равноудалить его от двух российских столиц – Москвы и Питера. Лучше всего посадить куда-нибудь под домашний арест, как Горбачева в Форосе. Затем он под прицелом автоматов озвучит обращение к нации, которое несколько раз прокрутят по телевидению. После чего президент уйдет в небытие. Как тот же Ельцин. Как Бориса Николаевича любили в конце восьмидесятых – помните? Ну, и где этот дедуган теперь?

– Ну, допустим, – почти согласился Кечинов. – Но ведь перекрыть каналы связи нереально. Там не только ФСБ, но и ФАПСИ, ФСО... и так далее. Я уже не говорю о том, чтобы посадить его под домашний арест.

– А ты, Леша, подумай, подумай, как это сделать, – ядовито хмыкнул Чернявский. – Заодно и подумай, кем ты станешь после 2008 года. В лучшем случае – говенным пенсионером, будешь георгины на даче выращивать да мемуарчики в стол пописывать.

– Ладно, твою идею можно принять – но пока на теоретическом уровне. – Подобедов вновь разлил водку по рюмкам. – Практически она совершенно невыполнима. Пока неясно, кто

станет главным оранжевым революционером. Не говоря уже о том, кого ты, Глебаня, нам всем прочишь в наследники. И тот, и другой должны быть людьми управляемыми и... адекватными.

– А я уже подобрал. Обоих. И революционера-подонка, и усмирителя-урода.

– И кто же это?

Повествование Чернявского было недолгим, но обстоятельным. По его мнению, лучшего выбора, чем Артур Карташов, и подыскать было нельзя. Лидер экстремистов, отсидел два года на общем режиме (как утверждали его соратники – «за правду»), достаточно раскручен через СМИ, а, стало быть, на слуху... В роли же «спасителя России» от фашистского бунта политтехнолог прочил армейского генерала Николая Муравьева.

– Еще Ле Бон утверждал: народный герой должен предстать перед массами на белом коне и в золотых латах, – козырнул эрудицией Чернявский. – А Муравьев – человек с боевым опытом, мятежную Чечню усмирят, Герой России, между прочим...

– Выборы, – осторожно вставил Подобедов. – Прямые, открытые и тайные...

– Фигня твои выборы! – отмахнулся Чернявский. – Все серьезные СМИ в наших руках, а опыт промывания мозгов населению у акул голубого экрана отработан до автоматизма. Генерал – это то, что нам надо. «Сильная рука». Армия – наша, ветераны – наши, ге-бе – наше, менты – наши... кто там еще? Большой бизнес? Клятвенно пообещаем, что никакого пересмотра итогов приватизации не будет – станет наш. Муравьеву организуем какое-нибудь родословное древо, восходящее к Ивану Грозному. Организуем праздничный прием у Патриарха. Монархисты – наши, державники – наши, церковь – наша. Пообещаем повысить зарплаты бюджетникам – и эти проголосуют. Как миленькие – а куда им деться? Так называемая интеллигенция? А она вновь будет поставлена перед выбором: или получаете просто зло в лице генерала-урода, или очень страшное зло в лице подонка-погромщика с откровенно нацистской фразеологией. Как говорится – «голосуй или проиграешь»... Из двух зол обычно выбирают меньшее. Что еще?

– Президент, – вновь напомнил Кечинов. – Он-то сразу поймет, какое дерьмо народу подсовывают... в мишурной упаковке. А он, между прочим, не только гарант конституции, но и верховный главнокомандующий. Со всеми вытекающими.

– Я предлагаю вам теорию в чистом, так сказать, виде. А уж как это осуществить на практике – ваша забота...

– А где гарантии, что Карташов и Муравьев не выйдут из-под нашего контроля? – серьезно прикинул Подобедов. – Что они будут безоговорочно выполнять все наши требования?

– Насколько я знаю, первый завербован еще советским ГБ. Я смотрел его материалы – агентурная кличка «Троцкий».

– Надо будет глянуть его досье... – чекист наморщил лоб. – Ну, а Муравьев?

– Да генерал как генерал. Правда, большим умом не блещет, а нам как раз такой и нужен.

К полуночи идея создания наследника-марионетки окончательно овладела высокопоставленными посидельцами сауны. То ли количество выпитой водки стало тому причиной, то ли боязнь за свою дальнейшую судьбу, однако Кечинов с Подобедовым перешли к конкретным расчетам. Оставив Чернявского за столом, оба нырнули в сауну.

В каморке полыхал хлебный жар. Горячий ржаной ветер дышал в лицо, обжигая кожу. Развалив розовые тела на верхней полке, Подобедов сосредоточенно смотрел в желто-серую спину Кечинова, сидевшего ниже.

– А ты знаешь, этот умник, по-моему, прав, – оценил чекист, брызгая на камни эвкалиптовым маслом. – Надо шевелиться.

– Ага – он только идейку подкинул. Воплощение-то наше, – вздохнул Кечинов. – Приказы, подписи...

– А идея-то – не лишена, не лишена...

– Я не о том. Если все это дело накроется медным тазом – спрос с нас будет. А Чернявский сразу в кусты свалит – мол, ничего не знаю, ни с кем не встречался.

– Так мы действуем?

– Насчет «равноудалить» президента от Москвы и Питера – это не так сложно. Он как-то мне говорил, что хочет совершить большую поездку по России. Железной дорогой, конечно, от Москвы и до Владивостока. Мол, из иллюминатора самолета ничего не увидишь. А тут и с людьми незапланированно можно встретиться, и маршрут в любой момент изменить. По моему, в его графике она уже стоит на конец сентября. Надо уточнить.

– ФСО я беру на себя, – задумчиво прикинул чекист. – Следует срочно убрать верных ему людей и поставить своих. Насчет связи – это тоже не так сложно, как кажется на первый взгляд. А Чернявский...

– Тссс... – чиновник администрации президента приложил палец к губам. – Идет.

В дверном проеме появилась седоватая голова политтехнолога. Усевшись рядом с Кечиновым, он бодро спросил:

– Ну, и к чему вы пришли?

– Мы пришли, – веско поправил лубянский генерал. – Конечно, стоит попробовать. Охрану, связь и все прочие мы берем на себя. Но уговаривать и Карташова, и Муравьева придется тебе. Согласен?

* * *

Магия багряного сентября пленяла, ворожила и обволакивала. Неяркое солнце неподвижно висело над лесом. Желтые с прожилками кленовые листья, тихо кружась, застилали землю причудливым ковром. В воздухе носилась едва заметная блестящая паутинка.

Угловатая мотодрезина, ритмично стучавшая на рельсовых стыках, явно не вписывалась в этот поэтический пейзаж. Протяжно скрипела гидравлика, урчал дизель, и дрезина то и дело замедляла ход, останавливаясь едва ли не через каждую сотню метров.

Четверо мужчин со значительными лицами внимательно поглядывали по сторонам. Однако их внимание привлекали явно не красоты золотой осени... Что, впрочем, неудивительно. Незадолго до запланированной президентом поездки по стране оперативникам ФСО предстояло не только тщательно изучить будущий маршрут, но и прикинуть, с какими сложностями предстоит столкнуться охране по пути следования.

– Что-то не нравятся мне эти заросли, – негромко бросил мужчина в официального покроя костюме, украшенном строгим галстуком. – Настоящая бандитская «зеленка». Слишком близко к железнодорожным путям. Там вполне может спрятаться гранатометчик.

Двое мужчин с неприметными физиономиями, одетых в точно такие же костюмы, прикипели взглядам к кустарнику.

– Прикажете вырубить, товарищ Сигов? – поинтересовался четвертый; это был оперативник местного управления ФСБ, прикомандированный к президентским охранникам в качестве сопровождающего.

– Пожалуй, лучше вырубить, – ответил заместитель начальника президентской охраны. – Так будет надежней.

Чекист сделал несколько пометок на карте, и без того испещренной красными крестиками, кружками и прочими знаками.

Дрезина, поскрипывая на поворотах, медленно покатила дальше. Небольшая станция, открывшаяся с левой стороны, выглядела игрушечной. Казалось, свистнет сейчас паровозик с самоварной трубой, и у платформы появится череда бутафорских пассажирских вагончиков с блестящими латунными поручнями.

Естественно, новый объект сразу же привлек внимание офицеров Федеральной Службы Охраны.

– Во время следования президентского спецпоезда тут никого не будет, – местный чекист предугадал вопрос.

– А водонапорная башня? – Сигов с ужасом взглянул на цилиндрическое краснокирпичное сооружение, торчавшее на краю станции. – Там ведь и снайпера можно посадить... Да что снайпера – вагоны все равно бронированы! ПТУРС установить – и все!

– Башню тоже снести? – догадался гебешник.

– Пока не надо. Но оцепить всю станцию следует двойным кордоном. Для нашего и... вашего спокойствия на входе в башню следует установить массивную металлическую дверь и на всякий случай сразу же заварить ее автогенном, – распорядился Сигов.

– Будет исполнено.

Раскатанные нити рельсов блестели в неярком солнце. Багряная кромка леса подпирала холодное голубое небо. Впереди нарисовались фермы железнодорожного моста.

Офицеры ФСО приуныли: ведь мосты всегда были слабым местом в железнодорожных путешествиях главы государства.

– Когда у вас был последний профилактический осмотр? – строго спросил заместитель начальника охраны Президента.

– Согласно графику...

– Ничего подозрительного?

– Да нет...

Дрезина загрохотала по мосту. Ажурные металлические фермы медленно проплывали за окнами кабинки.

– Опоры? Вы осматривали опоры? – нервно спросил Сигов.

– Конечно.

– Надеюсь, водолазы осматривали и подводные части конструкции?

– Само собой.

– На всякий случай за сутки до следования поезда главы государства обязательно осмотрите еще раз. И опоры, и мост. После чего посадите несколько ваших людей в моторные лодки, пусть курсируют в районе моста. И никаких рыбаков, никаких пассажирских судов и ракет... на подводных крыльях. Вы меня поняли?

– Конечно.

За мостом пейзаж сменился. Лесополоса кончилась, и теперь с обеих сторон железнодорожной насыпи простиралось открытое пространство. С левой стороны желтело неубранное поле, с правой чернели крыши дачных домиков. Со стороны дач тянуло приятным сизым дымком паленой картофельной ботвы.

– Фазенды... – вздохнул заместитель начальника охраны, рассматривая дачи через бинокль. – Сколько их тут?

– Дачный кооператив «Правовед», семьдесят два участка по шесть соток. Принадлежит областному управлению юстиции, – готовно доложил местный. – Постоянно обрабатывается пятьдесят восемь. Чуть дальше – дачный кооператив «Ручеек», принадлежит управлению речного транспорта. Тридцать два дачных участка, постоянно обрабатывается двадцать один. Обычно, как вы сами понимаете, – в выходные. Мы уже проверили контингент – ранее судимых, экстремистов, террористов и лиц кавказской национальности среди дачников не наблюдается.

– Обязательно проверьте чердаки дачных домиков и подвалы.

– Само собой!

– Президентский поезд будет проезжать тут в субботу, – Сигов зашелестел графиком поездки. – Значит, все дачники будут на месте...

– Запретить въезд? – взвился гебешник. – Можем оцепить всю площадь по периметру... Двойным, естественно, кордоном.

– Президент просил, чтобы мы не создавали трудностей населению! – сурово напомнил заместитель начальника охраны.

– Тогда можно всех дачников согнать к железнодорожной насыпи, выдать транспаранты и российские флажки... Чтобы главу государства приветствовали!

– Вы что – не поняли? – ледяной взгляд Сигова лишь на секунду скользнул по лицу собеседника, и этого оказалось достаточным, чтобы тот почувствовал себя так, словно бы попал в общество Снежной Королевы. – Никаких трудностей населению. Мы должны заботиться о простом человеке. Вам что – российский президент не указ?!

– Извините... – стушевался офицер ФСБ. – Но ведь милицейское оцепление вдоль железнодорожной насыпи все равно надо ставить! Как в прошлый раз, когда Ким Чен Ир по России спецпоездом путешествовал.

– А вот это – правильно, – кивнул заместитель начальника ФСО. – И притом – с обеих сторон.

– Почему с обеих?

– Вы что – Чехова в школе не проходили? Найдется какой-нибудь злоумышленник, который решит гайки с рельсов на рыбацкие грузила свинтить. Или... не злоумышленник. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

– Террористов у нас в райцентре нет! – натянуто улыбнулся комитетчик.

– Странно, – подал голос один из доселе молчавших оперативиков ФСО. – У всех есть, а у вас – нет.

– Наверное, плохо ищите, – нехорошо улыбнулся его напарник.

Минут десять ехали молча. Охранники продолжали профессионально ощупывать взглядами все придорожные объекты: лесополосу, полустанки, поваленные деревья, даже проржавленные железнодорожные указатели. Провинциальный чекист молчал пристыженно: он явно не знал, как втереться в доверие к этим кремлевским небожителям.

– Кстати говоря, а сколько железнодорожных переездов на этом участке? – голосом телефонного автоответчика поинтересовался Сигов.

– Семь. Три автоматических и четыре ручных шлагбаума, – готовно отрапортовал комитетчик.

– Поставить дополнительную охрану в штатском – раз. Все автомобили перед шлагбаумами во время следования президентского спецпоезда обыскать, особенно на предмет взрывчатки и стрелкового оружия – два. Железнодорожникам строго внушить, чтобы выглядели опрятно и чтобы обязательно улыбались проходящему поезду – три.

– Я им внушу! – засуетился чекист. – Я им так внушу! У меня к МПС очень много претензий! Еще с тех времен, когда Ким Чен Ир тут проезжал!

– А что за претензии?

– Да стволы деревьев на вокзале масляной краской не покрасили! Обещали же...

– Стволы обычно известью обмазывают...

– Краска – надежней. Дождем не смоем.

Сигов посмотрел на младшего брата из ФСБ куда более доброжелательно.

– Да, и еще: я вчера заметил, что ваша молодежь любит собираться у железнодорожного полотна. Мало того, что они там аэрозольной краской разные непристойные ругательства пишут, так еще и картинки рисуют! Члены там всякие... А ведь могут и призыв какой-нибудь написать... антиконституционного содержания. Или карикатуру. Проследите, и если увидите что неприличное – немедленно уничтожьте! – распорядился заместитель начальника президентской охраны.

– А вчера я видел, как группка молодых людей костры из палых листьев у путей жгла! – вспомнил первый оперативник.

– С ними еще несколько несознательных девиц было. Молодые люди хватали их за разные неприличные места, а девицы смеялись! При этом все они распивали спиртные напитки и показывали проходящим поездам дальнего следования крайне неприличные жесты, – напомнил второй.

– Это очень неприятно, – вздохнул Сигов. – Президента наверняка будут сопровождать журналисты, в том числе – иностранные. Подобное поведение молодых россиян может сформировать у них неправильное представление о настоящем и... будущем нашей страны.

– Я понял, – кивнул эфэсбешник. – Завтра же свяжусь с местным отделением «Идущих», и те предоставят другой контингент молодежи.

Когда подъезжали к райцентру, начинало смеркаться. Заходящее солнце медленно перемещалось через белесый срез туч и исчезло за лесом. Мотодрезина постепенно замедляла ход. Теперь железнодорожные пути разветвлялись – нити рельсов блестели по обе стороны. Впереди заплясали электрические огоньки. С левой стороны состава проплыла череда мазутных цистерн и красных товарных вагонов. Длинно и грустно запищали тормоза. В нос шибануло разогретым креазотом, смолой и мазутом.

– Короче, ценные указания вы получили, на выполнение – сорок восемь часов, – подытожил Сигов и, выразительно помолчав, снизошел до вопроса: – А теперь скажите, где у вас тут можно поужинать?

– У нас в управлении ФСБ есть столовая. Поварахи до сих пор на месте – вас ждут. Все горячее.

– Вы что – не поняли? – слегка удивился президентский охранник. – Я сказал – поужинать.

– А-а-а, понял, понял, – заулыбался гебист и достал мобильник. – Сейчас же позвоню в ресторан и закажу столик. Что будете пить? Коньяк, водку, вино...

– Вискарь. Я и мои соратники пьем исключительно вискарь, – снизошел до объяснения заместитель президентской охраны. – Да разве в вашей дыре можно отыскать что-нибудь приличное?

– Найдем... – нащелкав номер, гебист приложил трубку к уху.

Впереди замаячила сортировочная горка. Темно-зеленый маневренный тепловозик натужно толкал впереди себя длиннющий товарный поезд. Череда вагонов медленно поднималась на горку, где пути разветвлялись. Диспетчер, переключая автоматическую стрелку, следил, как вагоны скатываются вниз, формируясь в новые составы.

Сортировочная горка не относилась к объектам, могущим заинтересовать президентскую охрану. Ведь маршрут спецпоезда проходил далеко от этого места, да и никакой потенциальной опасности сортировочная станция не сулила...

Вагоны, катившие с возвышенности, ничем не отличались от сотен подобных, профильтрованных сортировочной за сегодняшний день. Правда, с горки катилось и несколько желтых цистерн с устрашающей надписью «ЖИДКИЙ АЗОТ», однако и они не заинтересовали пассажиров мотодрезины...

Неожиданно одна из таких спущенных с горки цистерн, вильнув в крайнее ответвление рельсов, помчалась прямо на дрезину. Она летела с неумолимой, все возрастающей скоростью, подобно артиллерийскому снаряду.

Никто даже не успел среагировать – спустя несколько секунд цистерна с жутким скрежетом вмялась в дрезину, и облако дымящегося азота тут же заволочло место катосторфы...

Спецкомиссия, составленная из представителей Генпрокуратуры и, естественно, сотрудников Федеральной Службы Безопасности, прибыла на место происшествия на следующий же день. Даже умудренные опытом следователи старались не смотреть на то, что осталось от

погибших. Хотя комиссия и старалась отыскать тут злой умысел и даже теракт, все выглядело чисто: оказывается, на пульте сортировочной отказала какая-то мудреная автоматика, что и послужило причиной катастрофы.

– Что ж, знать, судьба у них такая, – резюмировал возглавлявший комиссию генерал ФСБ Юрий Подобедов. – Мужиков жалко. Особенно – полковника Сигова. Хороший был человек, крепкий профессионал, очень преданный главе государства. Придется теперь подбирать новых людей в охрану президента...

Глава 2

Зыбкий утренний туман размывал линии, словно на детской переводной картинке. Медленно проступали цвета и силуэты: буро-зеленая камышовая кромка у берега Ладожского озера, черно-графитовые ветви полуоблетевших деревьев и тусклый дюраль моторки, покачивавшейся на волнах.

В моторке сидели двое. Немолодой мужчина в серой брезентовой штормовке то и дело забрасывал спиннинг, направляя блесну в сторону камышовых зарослей. Субтильного вида старичок сжимал в руках старомодную бамбуковую удочку.

Ладога все еще богата рыбой. Осенью хищники обычно жируют, набираясь сил перед зимней бескормицей. Блесна, просвистев в воздухе, со снайперской точностью плюхнулась у самой кромки камыша. Треск катушки – и спиннинг выгнулся дугой.

– Есть! – азартно прошептал мужчина в штормовке и, приподняв спиннинг, ощутил приятное, ни с чем не сравнимое напряжение.

Борьба с хищником заняла минут пять. На этот раз спиннингист поймал жереха – рыбу сильную и очень изворотливую. Впрочем, старичок тоже не остался без добычи: за это время он снял с жерлицы довольно приличную щуку.

– Василий Прокофьевич, вы бы себе приличную снасть купили! – с улыбкой укорил спиннингист.

– Зачем? – хмыкнул тот. – Мне же много не надо. На обед для меня и моего кота хватит. А все эти новомодные воблеры, силиконовые насадки и катушки – баловство одно. Вот, помню, до войны на Васильевском мы корюшку тягали только самодельными удилищами. Орешник, конский волос, самодельный поплавок из гусяного пера и свинцовый грузок из автомобильного аккумулятора. Только крючок был покупной. Тогда и бамбуковые удочки считались редкостью...

– Ну что – на сегодня хватит? – сложив спиннинг, мужчина в штормовке уселся на корме.

– Да, Клим, надо бы и позавтракать. Да и погода что-то портится, – Василий Прокофьевич смотал снасти и, достав из воды тяжелый садок с трепещущей серебристой рыбой, кивнул: – К берегу!

Спустя полчаса рыбаки сидели во дворе небольшого скромного домика. Василий Прокофьевич разводил костер, Клим чистил рыбу.

– Ты смотри! – хмыкнул он, извлекая из нутра щуки несколько мелких щурят. – Своих ест.

– Это потому, что в детстве не нарвалась на более крупного хищника. Ей бы объяснили, что так делать нельзя, – пошутил старик.

Клим взял пятнистую зеленую щуку под жабры, взвешивая на вытянутой руке.

– Килограммов на пять. А то и на пять с половиной. Настоящий пахан местных вод!

– У нас на Васильевском в конце тридцатых тоже был местный пахан, на Менделеевской линии жил. Уголовник прожженный, карманы в трамваях резал, из «Крестов» не вылезал. Так его свои же шавки в блокаду и съели, когда этот урка ослаб окончательно, – морщины на лбу старика сложились в изломанные линии. – Так оно всегда бывает. Пока пахан силен и помнит о всех возможных угрозах – его уважают. Когда он забывает о собственной безопасности и всецело доверяет окружению – обязательно жди беды.

Уху готовили тройную – как и положено по классическим рыбацким канонам. Сперва в кипяток загрузили мелких потрошенных окуньков и ершей, завернутых в марлю, чтобы костистая рыба не разварилась. Затем в котелок бросили плотвичек и подлещиков. И лишь после того, как в как кипящую воду опустили картофель, морковь и все положенные специи и коре-

нья, наступал черед крупной рыбы – рубленых на куски судака, щуки и жереха. Вскоре уха вовсю распространяла волшебные ароматы.

Клим извлек карманные часы на длинной цепочке и отщелкнул крышку с выгравированной надписью.

– Ровно через сорок минут надо обязательно добавить пятьдесят граммов водки. Меня этому на Дону местные рыбаки еще в семьдесят девятом научили.

– Дай-ка еще раз на часы взглянуть, – попросил Василий Прокофьевич. – Когда это он тебе их подарил?

– Три года назад.

– А за что?

– Да по дружбе, – ответил спиннингист равнодушно. – Там написано.

И действительно – на серебряной крышке было выведено ровным каллиграфическим рондо: «Другу детства Климу Бондареву от президента Российской Федерации на добрую память о Васильевском и не только о нем».

– Хотел было мне свои наручные подарить, по спецзаказу сделанные. Да я отказался, – прокомментировал Клим Бондарев. – Не могу на правой руке носить, как это он любит. А в его часах заводная головка с левой стороны.

– У каждого свои странности, – взяв деревянную ложку, Василий Прокофьевич помешал варево в казанке. – Кто-то часы на правой руке носит... Кто-то от всех этих воблеров-шмоблеров без ума... Вместо того, чтобы, как все люди, нормальной бамбуковой удочкой ловить!..

– ...кто-то почтовых голубей разводит!.. – беззлобно подначил Бондарев.

Увлечение почтовыми голубями Василий Прокофьевич пронес через всю жизнь – разве что рыбалка могла сравниться с этой страстью. Наверное, не было в Василеостровском районе Санкт-Петербурга большего голубятника, чем он. Голубятня, стоявшая в одном из дворов Большого Проспекта, была такой же достопримечательностью района, как Кунсткамера, Университет, Биржа или часовня Ксении Петербургской на Смоленке. Клим Бондарев, знавший голубятника с детства, не раз помогал ему в редком и благородном увлечении...

– Ну, почтовые голуби – это святое! – посерьезнел старик, пробуя горячую уху. – Ты же сам знаешь! Я и друзьям депеши посылаю, когда на рыбалке зависаю, и родственникам... Даже с этой дачи!

– Ну какие голуби могут быть в наше время? Интернет, мобильная и спутниковая связь – все это куда быстрее!

– Быстрее – не значит надежней! – серьезно опроверг Василий Прокофьевич. – Да и мобильного роуминга в этом районе почти нет... Наверное, ты знаешь историю про барона Ротшильда... Именно почтовому голубю он и обязан всеми своими богатствами. Благодаря голубиной связи он первым в Париже узнал о поражении Наполеона при Ватерлоо, что и позволило ему рискнуть на бирже... И сказочно озолотиться! – добавив в уху щепотку соли, старик напомнил: – Кстати, а те почтовые, которых я тебе весной подарил... Как они у тебя в Коломне? Живы?

– Коломна – это у нас в Питере. А московский район, где я иногда живу, называется Коломенское, – улыбнулся Бондарев.

– Да что там ваша Москва? Огромная хаотичная деревня! – как и все коренные петербуржцы, старик не очень-то жаловал столицу.

Клим пропустил едкое замечание мимо ушей.

– Все нормально, живы-здоровы ваши питомцы. Занимаюсь ими по науке. Как вы меня в детстве учили!

– Занимайся, занимайся... – улыбнулся Василий Прокофьевич. – Авось когда-нибудь и пригодятся! Кстати, а когда ты в отъезде... Кто голубями занимается?

– Пацанов из соседнего дома прошу.

– Не угробят?

– Уже и сами увлеклись. Просили – мол, дядя Клим, если будет возможность – подарите нам парочку на развод! Ну что – уха вроде бы готова? – скрутив с бутылки латунную пробку, Бондарев нацедил в мензурку пятьдесят граммов водки и аккуратно влил в кипящую уху. – Ровно через пять минут снимаем с огня.

– Выпивать под ушицу будем? – поинтересовался старик, глядя искоса.

Выпить перед едой он любил. Любил и в перерывах между едой, и после нее тоже.

– Я с утра не пью.

– Ты и по вечерам не так часто выпиваешь... как некоторые, – кивнул Василий Прокофьевич.

– Работа, – отстраненно прокомментировал Бондарев. – Можно выпивать до работы, после работы, даже на работе... Но только не вместо работы!

– Ты же типа как на пенсии! – напомнил голубятник. – Как там у вас выслуга шла... Год за три, кажется? Или ты... опять в свои «органы» поступил?

Клим не успел ответить – совсем рядом послышался звук автомобильного двигателя, и из-за кустарника медленно выплыл черный мерседосовский джип «гелендваген» с российским триколором на номере и двухцветной проблесковой мигалкой на крыше.

Джип, неуловимо напоминающий люксовый катафалк, ехал по берегу медленно и вальяжно, покачиваясь на ухабах.

– Не по твою душу? – спросил Василий Прокофьевич, глядя, как «гелендваген» останавливается у калитки.

– Вроде бы...

Водитель, как и положено по инструкции, остался в салоне, не выключая двигатель. А вот единственный пассажир – молодой мужчина с подчеркнута неприметной физиономией – сразу направился к Бондареву.

– Клим Владимирович, – уважительно обратился он, протягивая пакет с грифом администрации президента, запечатанный пятью сургучными гербовыми печатями. – Это вам. Распишитесь вот тут... на конверте. Конверт, пожалуйста, верните, а письмо уничтожьте.

Сломав хрупкий сургуч, Бондарев зашелестел бумагой. При этом лицо его оставалось совершенно безучастным.

Убедившись, что адресат прочитал письмо, посыльной из «гелендвагена» протянул золотой «ронсон»:

– По инструкции, письмо должно быть сожжено сразу по прочтении.

– Я знаю.

Сняв бумагу, Клим бросил ее в огонь под закопченным котелком.

– Мне приказано доставить вас как можно быстрее. Вертолет уже ждет вас в Приозерске.

– Может, вы дадите мне позавтракать? – вежливо осведомился Бондарев.

– И ты, сынок, с нами позавтракай. И водителя своего позови! – улыбнулся Василий Прокофьевич с радушием деревенского дедушки, угощающего приехавшего из города внука.

– Спасибо, – офицер ФСО улыбнулся с казенной вежливостью, насколько это позволяла ситуация. – Но и я, и мой водитель на службе. А вы, Клим Владимирович, позавтракаете в вертолете. Извините, но кроме сухпайка ничего предложить не можем.

Сборы, если складывание рыбацких снастей можно назвать сборами, заняли не более пяти минут. Бондарев направился к джипу.

– Обожди! – Василий Прокофьевич зашел в домик, но уже спустя минуту вернулся со старомодным китайским термосом в руках. – Дай-ка я ушицы тебе на дорожку отолью.

Клим отмахнулся.

– Пусть вам останется!

– Да тут казанок на десять литров! Куда мне столько? – сняв пробку с горлышка термоса, старик принялся вливать внутрь уху, старательно выживая самые аппетитные куски рыбы. – А то обидно даже – столько рыбы наловил, и не попробуешь!

– Да зачем так много?

– Ну, если сам все не съешь – его угостишь... – мягко улыбнулся старик. – Если он, конечно, меня еще помнит.

– Он про всех и про все помнит и никому ничего не забывает, – многозначительно сообщил офицер охраны президента, предупредительно открывая дверь джипа перед Бондаревым. – Ни хорошего, ни плохого...

* * *

Небольшой вертолетик подобно гигантской стрекозе скользил над Среднерусской возвышенностью. Внизу проплывали темные хвойные леса, и тронутые осенью лиственные перелески выглядели с высоты, словно беличий воротник на зеленом пальто. Озера блестели, как новые монетки. Солнце дробилось во вращающихся винтах. Пилот сосредоточенно сжимал штурвал. Штурман то и дело поглядывал в летный планшет.

– Кстати, а как там полковник Сигов? – поинтересовался Клим у посыльного офицера ФСО.

Тот отвернулся к иллюминатору.

– Три дня назад погиб при исполнении.

– Да-а? Что-то серьезное?

– Не знаю подробностей, – вздохнул офицер, однако по его интонациям Бондарев безошибочно определил, что все ему отлично известно, и лишь служебные инструкции запрещают распространяться на эту тему.

Несомненно, смерть заместителя начальника президентской охраны и стала причиной, чтобы выдернуть Клима с Ладожского озера. Впрочем, могли быть и иные причины...

В свой частный домик на юге Москвы, в Коломенском, Бондарев прибыл только к обеду. Оставив термос в прихожей, чтобы не забыть, он споро переоделся – появляться в Кремле в перемазанной рыбьей чешуей брезентовой штормовке и высоких рыбацких бахилах не представлялось возможным.

Уже выходя из кабинета, он по привычке взглянул на одну из многочисленных фотографий на стене.

Двое мальчишек с простенькими самодельными удочками сидели на парاپете Невы. Первый, в котором безошибочно угадывался Бондарев в детстве, сосредоточенно смотрел на трехлитровую банку с живыми рыбками. Второй, выглядевший не по годам серьезно, и был тем самым человеком, к которому хозяин дома теперь отправлялся в Кремль. Постояв перед снимком с минуту, Бондарев направился к машине с российским триколором на номере.

– Клим Владимирович, неужели вы с этим термосом в кабинет к самому президенту пойдете? – недоуменно спросил сопровождающий офицер. – Извините... Но это нельзя!

– Мне – можно, – успокоил Бондарев.

* * *

Профессиональная пьянка телевизионщиков так называемого «кремлевского пула» проходит не столь помпезно, как можно это представить. Никто не возглашает здравниц за главу государства, никто не толкает пафосных речей... Да и о работе вспоминать за бутылкой также не принято.

Пили в небольшом ресторанчике неподалеку от Останкинского телецентра. Уютный зальчик тонул во влажном полумраке, и матовый свет свисающих с потолка абажуров выхватывал из полутьмы столики с сидящими вокруг них посетителями. На низкой столешнице, в зыбком овале электрического света, завлекаяще блеснул хрусталь рюмок, громоздились разнокалиберные блюда с закусками, и огромная водочная бутылка навевала ассоциации с останкинской телебашней – как силуэтом, так и размерами.

Повод для пьянки был серьезный: сегодня утром съемочной группе аналитической программы «Резонанс» было объявлено, что она отправляется в долговременную служебную командировку. Телевизионщики должны были несколько недель сопровождать президента в железнодорожной поездке по стране, фиксируя важные и не очень важные встречи главы государства.

– Никогда еще не был в президентском поезде, – признался бородатый, как Фидель Кастро, оператор Виталик. – Интересно, а какой у них там вагон-ресторан?

Как и многие люди его профессии, Виталик любил выпить.

– Это же почти три недели в вагоне! И одни и те же рожи вокруг! – засокрушалась Тамара Белкина, бессменная ведущая «Резонанса». – Тут в студии волком воешь оттого, что постоянно в четырех стенах. Так и клаустрофобию недолго заработать!

– Ладно, – телевизионный режиссер бережно разлил водку по рюмкам. – У нас на телевидении и других фобий хватает. И не только на телевидении... Так что выпьем за то, чтобы их было поменьше. Ну, и за удачную поездку, само собой.

Хотя Тамара и любила выпивать не меньше оператора Виталика, особого удовольствия от спиртного на этот раз она не ощущала. То ли устала за последние дни, то ли нехорошие предчувствия ее одолевали...

– Не нравится мне эта поездка, – процедила она. – Я вообще не понимаю – а зачем нашему презику она понадобилась? На третий срок он баллотироваться не будет, пиар особо не нужен... Что тогда?

– Может, именно во время поездки он и объявит, кто станет наследником? – прикинул Виталик. – Так сказать – во время непринужденного общения с широкими народными массами...

– Но-но, – пресек крамолу режиссер. – Согласно Конституции, выборы главы государства у нас открытые, тайные и прямые. И о престолонаследии в главном документе вообще ничего не сказано!

В углу, над барной стойкой, бубнил телевизор. Бармен лениво щелкал пультом и, пробежавшись по каналам, остановился на новостийной программе конкурирующей «кнопки».

На экране появилась вполне официозная картинка: Северный Кавказ, армейские учения. Несколько десятков танков в противокумулятивной броне с угрюмым урчанием ползли на позиции условного противника. Снаряды неукоснительно поражали цели с первых же выстрелов. Крупный план зафиксировал картинно мужественного генерала, припавшего к стереотрубам. Оторвавшись от оптики, он взглянул в камеру и, выпятив грудь на манер маршала Жукова, выдохнул длинную фразу про высочайшую боеготовность вверенного ему округа.

– Генерал-лейтенант Николай Муравьев, – прокомментировал оператор. – Два года назад хотел у меня камеру разбить. Пьяный был.

– Он или ты? – осведомился режиссер.

– Я на работе не пью! – обиделся Виталик.

– ...многие века великая Россия спланивала вокруг себя соседские народности, – вещал Муравьев. – И теперь, в трудные времена, единство армии и народа...

– ...что-то по-умняку зарядил, – скривилась Белкина.

– Да, – вздохнул режиссер. – Непонятно только, кто и зачем его раскручивает в СМИ...

– Может, просто так? – Виталик подозвал официантку, чтобы заказать еще бутылку спиртного.

– У нас в Останкино никогда ничего просто так не делается! – справедливо напомнила Тамара.

Следующий сюжет и вовсе поверг съемочную группу «Резонанса» в уныние. На этот раз героем новостийного репортажа стал скандально известный Артур Карташов. Стоя у ворот Генеральной Прокуратуры на Большой Дмитровке, он комментировал амнистию своих боевиков, объявленную совершенно неожиданно сегодня утром.

– Таким образом, диктатура закона в России действительно существует, – резюмировал Карташов. – А это все потому, что преступный правящий режим боится народного гнева!

– Каковы ваши ближайшие политические планы? – вежливо поинтересовалась корреспондентка.

– Вернуться к политической деятельности. И притом – к самой активной, – Карташов кивнул в сторону пикета сторонников, стоявших на тротуаре с портретами Сталина, Мао, Берии и Че Гевары. – Преступный режим сам толкает нас к этому. К сожалению, инородцы и иноверцы медленно и неотвратимо захватывают в России власть. Это – ползучий переворот. Россия – для русских!

– Д-да... – снова вздохнул режиссер. – «Россия для русских» – это гражданская война и кровавый распад Федерации... Интересно, а почему это его боевиков так неожиданно амнистировали? Не просто же так!

И лишь Виталик не принимал участия в общем диспуте. Сидя за столом, он то и дело крутил головой в поисках официантки – предыдущая бутылка водки закончилась, а выпить хотелось. Острое состояние недопитости окончательно овладело оператором. Он зажмурился, чтобы не видеть опостылевшую телевизионную картинку, а когда открыл глаза, перед ним стоял мужчина с подчеркнуто невыразительной внешностью. И хотя оператор видел его лишь несколько раз, он все-таки признал в нем офицера Центра общественных связей ФСО.

– А я вас в Останкино ищу, – улыбнулся офицер. – Вы что – телефоны поотключали?

– Что-то случилось? – Тамара действительно отключила мобильник, потому как очень не любила, когда официальные лица тревожили ее в неофициальное время.

– Случилось, – с доброй чекистской усмешкой подтвердил гость. – С вещами на выход!

– То есть? – режиссер тревожно приподнялся из-за стола.

– Мне приказано срочно доставить вас в спецгостиницу. Президентский поезд отправляется завтра в восемь утра. Ожидать вас никто не будет. Утренние московские пробки, всякие форс-мажоры... да и состояние может быть не располагающим к раннему подъему.

– А аппаратура? – напомнил Виталик. – Там же на два микроавтобуса!

– Уже все доставлено, – корректно молвил офицер. – Так что расплачивайтесь и идите на улицу. Брать с собой спиртное категорически запрещено.

– А пиво наутро можно взять? Без пива я умру!.. – нашелся оператор, однако сотрудник Федеральной Службы Охраны показательно проигнорировал его вопрос.

– Машина ждет вас у входа. После долговременной служебной командировки вас всех обязательно доставят по домам, – добавил офицер и улыбнулся старой чекистской шутке.

В спецгостинице Тамара Белкина спала плохо. То ли потому, что всегда не могла сразу заснуть новом месте, то ли потому, что недопила свою норму. Заснула она лишь к утру. Ей снились сюрреалистические попугаи, порхающие с ветки на ветку у кремлевской стены в районе Александровского сада. Во сне телеведущая ласково убеждала их, что Че Гевара – это иноверец и инородец, а ей самой совершенно нечего делать в железнодорожной поездке по стране, на что самый наглый попугай клюнул ее в голову и прокричал голосом генерала Муравьева: «Продали Россию!..»

* * *

Каждый местечковый фюрер мнит себя спасителем человечества или, как минимум, своей многострадальной родины. Артур Карташов также считал себя спасителем, однако мысли этой старался не озвучивать – даже среди ближнего окружения. Тем более, что слова о его мессианской и богоносной роли то и дело проскальзывали в лексиконе этого самого окружения.

Огромный бетонный бункер в цоколе жилого дома невольно воскрешал в памяти военную кинохронику «Падение Берлина». Правда, вместо свастик и рунических эмблем «SS» стены украшали обтрепанные плакаты эпохи культа личности, хоругви с Георгием Победоносцем и кумачовые растяжки с надписями, клеймящими позором американский империализм. Особое внимание обращала на себя карта «Нового Третьего Рима», в которой территория РФ простиралась от Гибралтара до Сингапура. Несомненно, таковой Артур Карташов видел подданное ему государство в обозримом будущем.

Сидя за столом, усталым бордовым плюшем, он шелестел клавишами ноутбука – просматривал электронную почту, каковой, как всегда, было немало. За этим занятием и застала его Нина Чайка – мужеподобная женщина неопределенного возраста, с немытой коротко стриженной головой и нервным взглядом. Короткая скрипучая кожанка сглаживала и без того плоскую грудь, навевая подсознательные мысли о бронепоездах и комиссарах в пыльных шлемах.

– Товарищ Артур, – дождавшись, когда Карташов закончит чтение, Чайка по-мужски откашлялась в кулак и, подойдя к столу по алой ковровой дорожке, продолжила с дружелюбной укоризной: – Вы слишком много работаете и совершенно не заботитесь о своем здоровье. Западные компьютеры очень вредны для глаз. Если не вы – кто будет спасать нашу многострадальную родину?

– Раньше думай о Родине, а потом – о себе, – цитатой из комсомольской песни 70-х ответил Карташов. – Ты откуда приехала?

– Из Подольска.

– Что там?

– Наша первичная ячейка совершила налет на пункт сдачи стеклотары.

– Зачем? Это же не гастронорм...

– Пустые бутылки незаменимы для приготовления «коктейля Молотова». Который, в свою очередь, пригодится нам для борьбы с империалистами.

– А что в Наро-Фоминске?

– Амнистированные преступным режимом соратники приступили к агитации населения. Пока – мирными средствами.

– Что у серпуховских ребят?

– Готовятся к нападению на «МакДональдс». Хватит кормить русский народ американской жвачкой!

Карташов устало взглянул на Чайку. Несмотря на показательную преданность, эта соратница всегда вызывала у него смутную тревогу. То ли слишком трескучими фразами, напоминающими передовицы «Правды» конца тридцатых, то ли безумным взглядом темных глаз.

Ситуация, тем не менее, требовала адекватного ответа. Возвысившись над столом, Карташов продемонстрировал полувоенный френч наподобие тех, которые так любили советские вожди в тридцатые годы. После чего произнес несколько фраз о будущем России и собственной мессианской роли в ее истории.

Глаза Чайки увлажнились. Карташов на всякий случай отодвинулся от нее подальше.

– Кстати, товарищ Артур, а что вы думаете по поводу амнистии наших ребят? – осторожно спросила соратница. – Не кажется ли вам, что это – какая-то хорошо продуманная провокация? Нельзя недооценивать врагов...

– Преступный режим на своей шкуре почувствовал нашу силу, вот и решил предложить мировую, – привычно отмахнулся «товарищ Артур», понимая, впрочем, что здесь действительно что-то не так.

– Может, нашим соратникам, особенно молодым и горячим, стоит перейти на нелегальное положение?

– Не думаю. Пока – нет, – механически ответил Карташов, продолжая просматривать на ноутбуке полученную почту.

И тут внимание его привлекло одно из писем. Это был не рекламный спам и не послание соратников, по своей однотипности мало чем отличающееся от спама. Отправитель, не пожелавший назваться своим настоящим именем, прислал сканированную копию его агентурного досье из советского еще КГБ. Конечно, это было не все досье на Карташова, а лишь обязательство о добровольном сотрудничестве с «органами» под агентурным псевдонимом «Троцкий».

– Поддержка народных масс ширится с каждым днем! – счастливо выкрикнула Чайка и скосила глаз на монитор, силясь рассмотреть картинку.

Карташов захлопнул ноутбук.

– У меня действительно болят глаза от компьютера. Извини, Нина, мне надо побыть одному.

Закрыв за соратницей бронированную дверь бункера, Карташов прошел в комнату отдыха, оборудованную за неприметной панелью. Улегшись на кушетку, он долго соображал, какого черта спецслужбам вновь понадобились его услуги. Ведь ге-бе не напоминали о себе аж с начала девяностых.

Мелодичный зуммер мобильного прервал размышления. Карташов взглянул на табло – номер не определился.

– Алло...

– Здравствуйте, Артур Николаевич, – с безукоризненной вежливостью молвила трубка. – Как поживаете? Как здоровье?

– Кто вы такой?

– Я представляю людей, от которых зависит ваша дальнейшая карьера. А, может быть, и нечто большее, – невозмутимо отвечивал неизвестный.

У обитателя бункера парализовало речевой аппарат: отвечать хамски означало признать свое поражение уже в дебюте беседы, отвечать вежливо – признать унижительную зависимость от неизвестного наглеца.

– Что вам надо? – сдавленно спросил Карташов после недолгой паузы.

– Не хотели бы с нами встретиться?

– Зачем?

– Переговорить.

– О чем?

– О вашем будущем, например. Кстати, вы получили наше письмо по электронной почте?

– Я каждый день получаю сотни писем! – Карташов сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Но на наше письмо вы не могли не обратить внимания... Или вы действительно считаете, что у нас нет обоюдоинтересных тем для беседы?

– А если я откажусь?

– То очень скоро об этом пожалеете, – ответил звонивший со скрытой угрозой.

– Эт-то еще почему?

– Потому что теперь у нас достаточно возможностей решить вашу дальнейшую судьбу, – с ледяной учтивостью гангстера отрезал говоривший. – Так вы согласны на встречу?

– Согласен.

– Через полчаса ждите во дворе за гастрономом, напротив вашего бункера. За вами подъедут. И никому не рассказывайте о нашем звонке – это в ваших же интересах! – Короткие гудки известили об окончании разговора.

Полчаса, прошедшие в ожидании встречи, показались Карташову сутками. Хотелось сосредоточиться, прикинуть возможные варианты предстоящего разговора и отыскать собственные контраргументы, однако текущие партийные дела не позволили собраться с мыслями. Телефоны звонили с особой настырностью, факс гнал бесчисленные сообщения, как телеграф на картине «Ленин в Смольном», а соратники – бледные юноши со взорами горящими – одолевали бестолковыми расспросами о текущем моменте.

– У меня конспиративная встреча с моими соратниками! – объявил Карташов, несколько при этом не соврав и, ни с кем не прощаясь, скользнул за бронированную дверь бункера.

Черная «Волга» уже стояла у условленного места. Рядом с открытой дверью переминался с ноги на ногу румяный седоватый дедок – бывший лубянский следователь Карташова, крутивший его в середине семидесятых. Судя по слишком вольным манерам, теперь он наверняка был на пенсии.

– Ну, здравствуйте, Артур Николаевич! – душевно улыбнувшись, следователь сделал приглашающий жест. – Садитесь.

– Один раз вы меня уже посадили, – хмуро напомнил Карташов.

– И тем самым способствовал появлению вашего политического капитала, – прозвучало вполне справедливое напоминание.

Всю дорогу Карташов молчал – хмуро поглядывал в окно, прикидывая, куда его везут – на Лубянку или в одну из конспиративных квартир ФСБ, разбросанных по всему городу. Когда «Волга» выехала за МКАД, он приуныл; везли за город, и это означало, что разговор будет долгим и важным.

Конечным пунктом путешествия стал какой-то огромный хозяйственный комплекс, судя по глухому трехметровому забору, многочисленным камерам наружного наблюдения и неулыбчивым охранникам с протокольными физиономиями – то ли кремлевский, то ли гебешный.

– Ведите себя хорошо, – ласково попросил бывший следователь и добавил совсем доверительно: – Знаете, это я вам послал сегодня то самое электронное письмо.

– Чтобы меня шантажировать?

– Если бы я действительно хотел вас шантажировать, я бы потребовал с вас денег. А то, мол, занесу в редакцию какой-нибудь бульварной газетенки из числа тех, что у метро продаются.

– Зачем же было посылать?

– Просто так. О таких вещах иногда стоит напоминать, – улыбнулся дедок, выходя из машины.

«Волга» неторопливо вкатила за ворота. Карташов сосредоточенно смотрел в затылок водителю, стараясь понять, чего ждать впереди. Безукоризненно выбритый затылок не выражал никаких эмоций. Когда машина подъехала к небольшому нарядному домику под черепичной крышей, водитель сказал негромко:

– Мобильник отдайте, – и протянул ладонь.

Розовощекий здоровяк, встретивший Карташова на пороге, отрекомендовался эфэсбешным генералом Юрием Подобедовым. Впрочем, он не нуждался в представлении – гость несколько раз видел его в официальной кремлевской хронике. А вот невзрачный тип с бегаю-

щими глазками, сидевший в каминной зале, оказался птицей куда более высокого полета. Это был Алексей Кечинов – высокопоставленный функционер администрации Президента.

– Присаживайтесь, – нервно бросил Кечинов. – Надеюсь, вы догадываетесь, для чего мы вас сюда вызвали?

– Вызывают обычно повесткой, – напомнил Карташов агрессивно.

– За этим не заржавеет... если потребуется, – улыбнулся гебешник. – Но мы решили пойти вам навстречу и побеседовать по-дружески. Доверительная человеческая беседа – она надежней. Зачем создавать всю эту шумиху, ненужную рекламу...

– ...и способствовать росту моей популярности? Создавать политический капитал? – ядовито напомнил Карташов.

– Послушайте, вы, – резко оборвал функционер администрации президента. – У меня мало времени, чтобы устраивать никому не нужные диспуты. Как вы думаете – почему мы вас с вашей шпаной еще терпим? Почему мы вообще не замочили вас на этапе становления? Почему позволили вам отсидеть срок в относительно комфортных условиях?

– Потому что на нашей стороне правда!

– Да ладно, не на митинге... – скривился Подобедов. – Вы нужны, чтобы вашим именем Запад пугать. Мол, не нравятся теперешние порядки? Не выдаете бонусов теперешней власти? Тогда придут подобные вам фюреры... и тогда уж точно поплачете.

– Каждый разгромленный вами «МакДональдс», каждый всплеск антизападной и антиамериканской истерии – это причина для поддержки Западом и Соединенными Штатами того самого «преступного режима», о котором вы ежедневно распинаетесь в своем бункере перед всеми этими... экзальтированными недоумками! – объяснил очевидное Кечинов.

– Вы же Франкенштейн... Крошка Цахес, в нашей чекистской лаборатории выведенный! – добавил Подобедов не менее очевидное.

– Вы вызвали меня сюда, чтобы это сообщить?

– Чтобы предложить вам и дальше сотрудничать, – сказал, как отрезал, чекист.

– А если я откажусь?

– Не откажетесь, – уверенно закивал функционер администрации президента. – В противном случае ваш бывший следователь сольет вас во все места, куда только сумеет. И про платное сотрудничество со спецслужбами, и про все остальное.

– Подам в суд за клевету.

– Правильно. На него и подадите. А он к силовым структурам никакого отношения не имеет, – напомнил Подобедов. – Ваш бывший следак восемь лет как уже на пенсии. Вот и судитесь с ним как частное лицо с частным лицом. Теперь все понятно?

Только теперь Карташов понял, для чего в дебюте понадобилось и электронное письмо, и телефонный звонок, и отставной следователь.

– Короче, вы человек неглупый, – неожиданно похвалил гебешник. – Будете нас слушаться – все будет хорошо. И вам, и нам.

– Скажите, агент Троцкий, вы действительно любите Россию? – внезапно спросил Кечинов.

– Ну да. То есть люблю. Жить без нее не могу...

– Именно потому вы в семидесятые годы сбежали сперва в Штаты, а потом во Францию?

– Ненавижу Америку! – скрипнул зубами Карташов.

– Это к нашей беседе не относится, – отрезал Кечинов. – Итак, рисую картинку. Предположим, через несколько месяцев в России начинается революция...

– Конечно, инспирированная из-за границы?

– Нами, – обрезал Подобедов. – Нами и инспирированная. Так называемые революционеры устраивают в больших городах образцово-показательные погромы, сжигают машины,

бьют всех, у кого рожа нерусская. После чего один генерал... эдакий слуга царю, отец солдатам, эту заразу изничтожает на корню.

– Вам и отводится роль лидера революции. Ваши молодчики и к погромам привычные, а главное – штат боевиков уже готовый. И учить особо не надо, – Кечинов говорил о будущем путче как о почти свершившемся факте, нимало не интересуясь мнением предполагаемого вождя.

– А ваши придворные журналисты объявят населению, что революцию нам экспортируют империалисты США? – уныло вздохнул Карташов; он уже понял если не все, то многое.

– Именно так. Найдем каких-нибудь заокеанских антиглобалистов, лесбиянок и педерастов, которые и организуют вам интернациональную помощь, каковую наше телевидение и засветит перед электоратом крупным планом, – приязненно улыбнулся Подобедов. – Так что придется вам Америку полюбить. Хотя бы на какое-то время.

– А что будет потом?

– Когда?

– Ну, когда этот ваш герой-генерал разгромит наше движение?

– Вас интересует, что ожидает именно вас?

– Вот именно. Показательный процесс, репрессии и Колыма?

– Ни в коем случае.

– А что тогда? Звание Героя России?

– Для всех своих соратников вы героически погибнете. Предлагаю погибнуть под красным знаменем на баррикадах... Где-нибудь на Пресне, – улыбнулся Кечинов. – Так будет пафосно и трагично, с историческими параллелями и аллюзиями.

– Но на самом-то деле вы останетесь живы. Небольшая пластическая операция, хороший счет в «Американ бэнкс»... И выбор любого места жительства по вашему усмотрению. Подальше от России, – добавил Подобедов.

– А что будет с моими соратниками?

– Большинство придется пожертвовать. Врагам народа, хулиганам, погромщикам и предателям Родины, финансируемым из-за океана, никакой пощады не будет, – пояснил функционер президентской администрации. – Вы же сами говорили, что ваши боевики – пешки в политической борьбе?

– Так вы согласны? – для проформы спросил Подобедов, подводя черту; впрочем, этот вопрос был излишним.

– А как же ваш генерал... будет со мной бороться?

– Как, как... подавлять, усмирять, наводить конституционный строй в стране... поганой метлой вычищать скверну, железной рукой наводить порядок... – пояснил Кечинов очень серьезно.

– Но... действующий президент? Он что... тоже в курсе?

– А вот это вас не касается, – Подобедов нехорошо сощурился на гостя. – Ваше дело маленькое. Во-первых, регулярно получать деньги из одного американского фонда, который наши люди по ту сторону океана уже организовали. Черные рубашки, хоругви, повязки со свастиками...

– Не говоря уже о пиве и оружии, – заверил Кечинов.

– И никакой самостоятельности, никакой самостоятельности, – серьезно добавил чекист. – Все свои действия вы обязаны координировать с нами.

– Впрочем, я не исключаю, что некоторые моменты будем координировать и с генералом.

С минуту Карташов молчал. Ситуация была безвыходной. Эти упыри просчитали абсолютно все. А это, в свою очередь, означало: их придется слушаться.

– Какие гарантии? – мрачно спросил он.

– О том, что мы действительно дадим вам возможность свалить из России? – догадался Кечин.

– Вот именно.

– Естественно, никаких, – подхватил Подобедов. – Гарантии, как писали классики, дает только Госстрах.

– Вы и есть наш российский Госужас, – сказал Карташов.

– Ладно, Троцкий, не бзди, – с неожиданной фамильярностью прервал Кечин и, достав из стоявшего в кресле портфеля папку, зашелестел бумагами. – Мы все предусмотрели. Вот это, – он протянул гостю пачку фотографий, – твоя будущая вилла в Мексике, на море. Вот это, – на стол легла пластиковая карточка «Американ экспресс», – деньги на личные расходы. До конца жизни хватит. Легендирован ты будешь, как «новый русский», отошедший от дел и решивший посвятить остаток жизни исключительно отдыху под южными звездами, в ритмах румбы и самбы. Документы также за нами. Мы ребята честные, могли бы с тебя и расписочку потребовать. Держи!

Фотоснимки виллы на берегу Мексиканского залива могли бы впечатлить даже удачливого олигарха – обладателя роскошного особняка на Рублевке. Вилла эта напоминала скорей дворец какого-нибудь латиноамериканского диктатора – как колониальной архитектурой, так и размерами. В одних только флигелях можно было разместить как минимум батальон.

– Ну как – нравится? – подмигнул Кечин.

– А своего агента с ледорубом потом не пришлете? – скривился «агент Троцкий».

– Не пришлем, – успокоил Подобедов. – Если будешь послушным и языком мести понапрасну не станешь.

Глава 3

– Многие считают меня святым с нимбом и крылышками, многие – дьяволом с рогами и копытами, но почти никто – человеком, – доверительно сообщил Бондареву президент и, открыв термос, с удовольствием понюхал уху, переданную старым василеостровским соседом Василием Прокофьевичем. – Все-таки приятно, что есть еще люди, которые воспринимают меня не только как главу государства, а как знакомого по двору, друга детства или...

– ...любителя рыбалки, – подхватил Бондарев. – Ничего – закончится твой второй президентский срок – уйдешь на пенсию, будем опять вместе рыбу ловить.

Кремлевский кабинет главы государства, хорошо известный российскому электорату по телевизионному официозу, выглядел куда более уютным, чем на экранах. Мягкий свет плафонов поглощался дубовыми панелями. Российский триколор в углу ниспадал приятными складками. Роскошный рабочий стол со стоящим на нем термосом выглядел не начальственно, но домашне.

Налив уху в глубокую отвинчивающуюся крышку, президент сделал несколько глотков.

– Узнаю руку мастера. Тройная. Ты варил?

– Как обычно, – кивнул Клим. – Не слишком ли острая?

– Ты всегда не жалел перца. Кстати, а как там Василий Прокофьевич? По-прежнему своими почтовыми голубями занимается?

– И некоторых бывших соседей по Васильевскому также агитирует этим заняться. У меня в Коломенском уже с полдюжины этих птиц живет, – дождавшись, когда собеседник насладится ухой, Бондарев прищурился: – Зачем я тебе на этот раз потребовался?

– О том, что я планирую большую поездку по стране, ты, наверное, слышал.

– По телевизору анонсировали. Предлагаешь тебя сопровождать?

– Ты ведь Россию знаешь лучше меня, – польстил президент. – Как рыбак, почти всю изъездил. Ладно, Клим, это шутка... А если серьезно – у меня тут какие-то странные вещи начинаются.

Рассказ главы государства о загадочной гибели полковника Сигова на провинциальной сортировочной станции был краток, но предельно информативен.

– А вот официальное заключение, – достав из ящика палисандрового стола объемистую папку, президент протянул ее собеседнику.

– Хм. «Фатальное стечение обстоятельств». «Несчастный случай»... – Бондарев зашелестил страницами. – Так-так-так... А кто руководил расследованием? Генерал Подобедов. Ясно.

– Я знаю, что ты его не любишь.

– Меня тоже многие не любят. Половина твоей администрации, например. Ревнуют, наверное, – равнодушно сообщил Клим. – А Подобедов, как я понял, вместе с руководством ФСО подбирал тебе штат новых охранников взамен погибших. Кстати, я хотел бы посмотреть их личные дела.

– Я распоряжусь, чтобы тебя сегодня же ознакомили, – кивнул президент. – Хотя люди там проверенные-перепроверенные. Да и профи... Скажи честно: что ты обо всем этом думаешь? Неужели действительно «стечение обстоятельств»?

Бондарев аккуратно захлопнул папку.

– Пока ничего не думаю. Но, учитывая, что твое предполагаемое отсутствие в Москве растянется почти на три недели, могу напомнить: государственные перевороты в Советском еще Союзе совершались именно в момент отсутствия в столице главы государства. Хрущев и Горбачев, как ты помнишь, во время своего смещения отдыхали на море. А перед этим у обоих поменяли охрану. Может быть дворцовый переворот, может быть уличный... да какой угодно! Недовольные всегда найдутся. Люди, потерявшие власть и деньги. Люди, не имевшие власти и

денег, но страстно желающие их получить. Люди, боящиеся потерять и то, и другое. – Бондарев говорил, будто гвозди в доску вбивал. – Любому перевороту предшествует заговор, ты это и сам знаешь. А ведь заговор – это не свеча на столе, шифровка, зашитая в подкладку пальто и театральная клятва на шпаге... Заговор – это взаимное доверие людей, которые стремятся к одной и той же цели.

– И ты видишь какие-нибудь симптомы заговора?

– Нет. Но я всегда помню о старой истине: предают только свои, близкие. Кто организовал заговор против Цезаря? Его любимец Брут. Кто заказал убийство русского царя Павла? Родной сын Александр... Ладно. Значит, отправляемся завтра?

– В восемь утра. За тобой пришлют машину в Коломенское. Или тут переночуешь...

– Лучше дома. Мне еще кое-какие вещи надо собрать и кое-куда съездить. Кстати, а в каком качестве я буду тебя сопровождать?

– А в каком бы ты сам хотел?

– Лучше всего – коменданта президентского спецпоезда, – прикинул Клим. – Во-первых, это дает мне вполне официальный статус, во-вторых – как пассажир, ты формально обязан будешь меня слушаться. Не говоря уже о многих других...

– А в-третьих, ты хочешь, чтобы я об этом срочно и во всеуслышание объявил тем, кого ты так не любишь? Например – Подобедову? – догадался президент.

– Вот именно. Только вот во всеуслышание не стоит. Так, между прочим. Мол, коменданта поезда, которого тебе ФСО так тщательно подобрало, ты отстраняешь от функциональных обязанностей без объяснения причин. И назначаешь на его место меня. При этом я получаю полномочия достаточные, чтобы в поезде меня слушались. Возражения о том, что мне, якобы, необходимо время, чтобы ознакомиться с текущими делами и вообще войти в курс, не принимаются. У меня ведь и заместители будут из этих, новых... Я прав?

– Конечно.

– Посмотрим, как он... и не только он на это отреагирует.

– У него мало времени, чтобы реагировать, – президенту явно не нравилась подозрительность собеседника.

– На это я и рассчитываю.

* * *

Резкий взмах теннисной ракетки – и резиновый мячик, описав правильный полукруг, опустился в так называемой «мертвой зоне», недостижимой для соперника.

– Коварный ты, однако... – генерал Подобедов недовольно утер лоб и, шагнув к сетке, протянул руку Кечинову. – Партия. Вынужден признать свой проигрыш.

– Ничего, ты еще свое выиграешь.

– Поле непривычное, – эфэсбешник во вздохом отложил ракетку. – Мне больше нравятся гудроновые поля – отскок мяча другой.

– Настоящий чекист должен уметь играть на любом поле, – незлобно подначил Кечин.

– Это ты тут день-деньской торчишь... Еще со времен Бориса Николаевича. Небось, скоро Андре Агасси на обе лопатки положишь.

– Я бы предпочел разложить на корте Анну... Ладно, давай о наших делах...

Очередная встреча заговорщиков состоялась в закрытом спортивном клубе. И не только любовь к теннису стала тому причиной. Как узнал Подобедов, территория теннисных кортов не контролировалась микрофонами и видеокамерами, что, в свою очередь, настраивало на откровенный разговор.

А поговорить было о чем.

Полтора часа назад влиятельному лубянскому деятелю сообщили, что комендант президентского поезда без объяснения отстранен от своих обязанностей, а на его место назначен некий офицер запаса ФСБ Клим Владимирович Бондарев. Кандидатура была предложена самим президентом. Как то ни странно, но Подобедов при всех его фантастических информационных возможностях располагал об этом человеке лишь минимумом информации. Ему было известно, что он – друг детства нынешнего главы государства, пользующийся неограниченным его доверием. Он знал, что президент не раз обращался к Бондареву в самые критические моменты и что этот загадочный Клим всегда оправдывал возлагаемые на него надежды. Однако личное дело этого офицера каким-то загадочным образом исчезло из 16-го Главупра Лубянки, да и коллег, служивших с ним, почему-то не нашлось...

Судя по всему, главе государства гибель полковника Сигова показалась весьма подозрительной. Видимо, потому он и решил пригласить в поездку одного из самых проверенных людей.

Обо всем этом Подобедов и сообщил Кечинову во время теннисного поединка. И теперь, когда партия была сыграна, ожидал окончательного решения.

– Думаешь, он что-то заподозрил?

– Не тот он человек, чтобы вот так вот, без особых причин, менять людей из своей охраны.

– Так ведь комендант поезда – это твоя креатура! – напомнил Кечинов.

– Вот и я о том же...

– А кто этот Бондарев? Что он из себя представляет? Почему такое безграничное доверие?

– Ничего не знаю. Его личное дело уничтожено. В архивах – совершенно никаких следов, сам проверял. Даже я – и то не могу понять, кто и за что ему пенсию платит. Кстати, президент затребовал у начальника ФСО личные дела вновь принятых... Ну, на место Сигова и его людей. Как я понял – для этого самого Клим. Леша, надо думать, надо шевелиться, – с напором произнес Подобедов, скосив взгляд на теннисную сетку – теперь она напоминала ему рыбацкий невод, в котором по неосторожности можно и запутаться.

– Думаешь, этот Бондарев сможет нам помешать?

– То, что он нам не помощник, – очевидно.

Кечинов молчал минут пять – размышлял, прикидывая возможные варианты развития событий. Наконец молвил:

– Неплохо бы этого Бондарева в глазах президента скомпрометировать.

– Уже думал. Не успеем. Поезд завтра в восемь утра.

– Тогда... А может, ему тоже какой-нибудь несчастный случай организовать? Ну, как твои люди на железной дороге. Успеешь?

– Об этом я тоже думал. Боюсь, что будет очень подозрительно. Еще Сигов остыть не успел – и тут новый жмур.

– А если организовать ему несчастный случай на глазах множества незаинтересованных очевидцев? И чтобы все в один голос сказали, что это действительно несчастный случай? Мало ли чего... Превышение скорости в автомобильной поездке, переход улицы на запрещающий сигнал светофора, несоблюдение мер безопасности... Главное – чтобы *он* ничего не заподозрил. Несчастный случай должен быть стопроцентным! Окончательным! Реальным!

– А это – мысль, – почти согласился чекист. – Правда, исполнители должны быть экстра-класса.

– У тебя на Лубянке такие, конечно же, есть.

– Есть. После ликвидации Бондарева этих спецов надо будет представить к высокой правительственной награде. В закрытом списке, как и положено. После чего организовать какую-нибудь автомобильную катастрофу им самим.

* * *

Клим вернулся в Коломенское только после обеда и сразу же приступил к сборам. Бондарев не любил обременять себя ненужными вещами – небольшая дорожная сумка вместила все необходимое для путешествия. Поразмыслив, он решил прихватить с собой парочку почтовых голубей – подарок Василия Прокофьевича. Голуби всегда возвращаются в свою голубятню. Как знать – может, это их качество пригодится и в спецпоезде, нашпигованном электроникой?

Телефонный звонок застал хозяина дома как раз в тот момент, когда он запасался кормом для птиц. Звонившая – судя по голосу, молоденькая девушка, – представилась работницей регистратуры районной поликлиники и сообщила, что Бондареву Климу Владимировичу необходимо срочно пройти флюорографию.

– Или сегодня до восемнадцати нуль-нуль, или завтра с девяти нуль-нуль до четырнадцати тридцати.

Звонок совершенно не вызывал подозрений – как человек, следящий за своим здоровьем, Бондарев каждый год проходил углубленный медосмотр. А на флюорографии он действительно был лишь в прошлом году. Естественно, поход в поликлинику завтра ему не подходил. Пришлось собираться.

Спустя минут двадцать Клим, получив в регистратуре талончик, поднимался на лифте на последний этаж. В рентген-кабинет, как это обычно бывает по вечерам, змеилась очередь. Впрочем, спустя минут пять из-за двери появилась медсестра, объявившая, что желающие пройти флюорографию «на коммерческой основе» могут спуститься в цокольный этаж.

Естественно, Бондарев не преминул воспользоваться предложением. Попастись в цокольный этаж можно было и по лестнице в восемь маршей, однако грузовой лифт значительно сокращал время и расстояние.

Длинный коридор, ведущий к лифту, был почти пуст – лишь на скамейках у дверей сучало несколько старушек, ждущих очереди на прием. Выйдя на площадку лифта, Клим нажал кнопку вызова, и тут же боковым зрением засек молодого санитара, толкающего перед собой операционные носилки на колесиках. Новенький белый халат на его плечах топорщился от избытка крахмала.

– Вот кто мне поможет! – обрадовался санитар и, как показалось Климу – с неискренним энтузиазмом. – Мужик, помоги-ка носилки в лифт затащить!

Взявшись за передние ручки, Бондарев встал спиной к лифту. Сдвоенные створки лифтовой двери с мягким чавком разошлись, и тут Клим почувствовал, ощутил позади себя странный холодок... Тем временем санитар чуть подал каталку на себя и с силой толкнул ее вперед, на Клима. Повинуясь скорее инстинкту самосохранения, чем логике, Бондарев успел отскокить, вильнуть в сторону, и санитар с носилками по инерции влетел в кабину грузового лифта...

Впрочем, никакой кабины и не было. Открывшиеся створки двери обнажили жерло лифтовой шахты с тросами, тяжелыми противовесами и шершавыми бетонными стенами. Мгновение – и со дна шахты донесся жуткий звук падающего тела, перекрываемый металлическим скрежетом разлетающихся носилок.

Все произошло практически мгновенно, однако Бондарев не потерял присутствия духа. Подойдя к открытой двери лифта, он подергал створки и сразу определил, что они надежно заблокированы. Затем скосил глаза на дно шахты. В неясном полумраке смутно различался изломанный силуэт санитара, лежащий на свернувшихся носилках. Несомненно, он был мертв. Затем взглянул вверх. Кабина лифта застряла на пятом этаже.

Все произошедшее выглядело слишком подозрительно и наводило на мысль о неудачном покушении.

Площадка лифта мгновенно набухла толпой любопытствующих и сочувствующих. Остроногая тетка с желтым лицом урологической больной осторожно выглянула в шахту и заголосила:

– Убили, касатика! Убили, родненького!

– Пешком-то в его возрасте надо ходить, – возразил пожилой интеллигент в очках. – Вот я в его время...

– Врача вызовите, врача! – надрывалась беременная молодлица. – У кого телефон есть? В «скорую» позвоните!..

Милиция, прибывшая в поликлинику спустя полчаса, констатировала несчастный случай. Техническая экспертиза довольно быстро установила, что в лифте не сработало какое-то реле и что дверь на четвертом этаже открылась по чистой случайности. Никакого злого умысла в этом не просматривалось – разве что халатность техников «Мослифта», не проводивших профилактический осмотр вовремя.

Личность погибшего была установлена сразу же. Как и предполагал Бондарев, это был не местный санитар, а медбрат с подстанции «скорой помощи», которого никто в поликлинике никогда прежде не видел. Никаких документов, объясняющих его присутствие тут, обнаружено не было. Каким образом он попал в здание с операционными носилками – также оставалось загадкой. Да и менты почему-то не очень спешили связываться с подстанцией, где работал погибший...

Как бы то ни было, но в восемь вечера Клим вернулся домой. Клетка с почтовыми голубями стояла на каминной полке, как раз под чучелом огромного волжского сома, свисающим с потолка. Собранная дорожная сумка висела на спинке кресла.

– Кажется, ничего не забыл, – вполголоса прикинул Бондарев, вспоминая, что еще может понадобиться в дальнем путешествии. – Жаль только, что флюорографию не прошел. Ничего – придет время, и я вас всех просвечу!..

* * *

Президентский поезд, извиваясь на рельсах гигантской гусеницей, неторопливо катил по равнине. За окнами проплывали низкие шиферные крыши поселков, изумрудные поля и спокойные озера, в которых поблескивало утреннее солнце.

Бондарев на правах нового коменданта неторопливо обходил вагоны, знакомясь с обстановкой и вникая в суть. Конечно, непростой статус поезда предполагал многочисленные излишества, но увиденное просто поражало воображение. Вагон-холодильник, вагон-кухня, вагон-ресторан, вагон спецсвязи, два вагона охраны, способной на любые подвиги, – и это было далеко не все. Спецпоезд был способен отразить налет штурмовой авиации, передвигаться по любой зараженной местности и, наверное, несколько месяцев автономно просуществовать в условиях глобальной ядерной войны.

В вагоне для прессы расположилась съемочная группа одного из федеральных каналов, способная организовать ежедневные репортажи.

– Здравствуй, Клим, – Тамара Белкина не без кокетства поздоровалась с Бондаревым; несмотря на сложные чувства, которые эти люди испытывали друг к другу благодаря прошлому, они искренне обрадовались встрече.

– Приветствую трубадууров официоза, – кивнул Клим. – Вас вновь позвали для съемок «Хроники дня»?

– Мы просто исполняем свою работу, – ведущая «Резонанса» пригласила Бондарева в свое СВ. – Также, как и ты – свою... Кстати, а в каком качестве ты на этот раз? Шпионить за нами?

– Скорее, не позволять это делать другим, – усевшись на полку, комендант спецпоезда удивленно взглянул на огромные чемоданы, занимавшие едва ли не половину пространства. – Аппаратура, наверное?

– Да нет. Косметика, колготки... Где я в поезде колготки куплю, если порвутся?

– Мне бы твои заботы...

Проводница в идеально отутюженной форме осторожно постучала в дверь.

– Чай? Кофе? Завтрак?

– Кофе, – попросила телевизионщица.

– Я, пожалуй, тоже выпью, – Бондарев взглянул на часы; до обеда у него еще оставалось свободное время.

Утреннее кофепитие с человеком, с детства называющим президента на «ты», – прекрасный повод выяснить последние новости в кулуарах власти. По крайней мере, для профессионального журналиста. Тамара была профессионалкой и потому не преминула использовать этот повод.

– Ты, случайно, не в курсе – почему это в наших СМИ генерала Муравьева так внезапно раскручивают? – спросила она, глядя, как за окнами проплывают нищие среднерусские деревни, обрамленные нарядными березовыми ситцами. – У них там что – других тем нет?

– У них или у вас? – с улыбкой подначил Бондарев.

– К сожалению, журналисты не определяют политику телеканалов, – пояснила Тамара. – Для этого есть руководство «кнопки». Скажут взять интервью у черта – возьмем. Скажут ангелу Господню информационный вакуум устроить – сделаем.

– Уважаю профессионалов, – с едва заметной иронией похвалил Клим. – Насчет Муравьева я ничего не знаю. Честно. В последнее время в городе-герое Москве вообще-то очень загадочные вещи происходят. Боевиков Карташова почему-то амнистировали...

– А почему – тоже не знаешь? – осторожно встала Белкина.

– Даже не догадываюсь. Я ведь не политолог, не политтехнолог и не эксперт по внутриполитическим проблемам России. Я просто рыбак. Впрочем, если хочешь – спрошу у президента насчет Карташова. Надеюсь, он даст мне исчерпывающий ответ.

– Ловлю на слове, – улыбнулась журналистка.

– Только на меня не ссылайся. Я в этом поезде хотя и лицо официальное, но далеко не публичное.

В дверь постучали. Не успела Тамара сказать «войдите», как дверь отъехала, и на пороге возник оператор Виталик. Его опухшее лицо и утренний перегар подсознательно навевали мысли о рассоле, холодном компрессе на лоб и ударной дозе «алкозельцера».

– Тамарка, у тебя пиво есть? – оператор, даже не взглянув на Бондарева, умоляюще впился глазами в телеведущую. – Или хотя бы граммов сто семьдесят водки?

– Я ведь по утрам такие напитки не употребляю.

– Черт, и в вагон-ресторан не пускают. И у проводницы ни хрена. То есть водка-то у нее есть, но тут до вечера сухой закон. Говорят, какой-то новый комендант придумал. Знал бы, что в такую бодягу попаду, никогда бы в этот забаванный поезд не сел! – оператор мученически протер виски, и тут его осенило: – Может, у тебя туалетная вода есть? Или... одеколон?

– Свои любимые духи «Паола Пикассо» я тебе ни за что не дам. Семьдесят баксов флакончик, – отрезала Белкина.

– И это журналистская солидарность! – горестно засокрушался оператор. – Может, у тебя хоть какая-нибудь жидкость для смывания лака с ногтей найдется? Только без пульверизатора...

Ответить Тамара не успела – в нагрудном кармане Клим зазуммерила рация.

– Слушаю.

– Товарищ комендант президентского поезда, президент просил передать, что хочет вас видеть, – донеслось из мембраны.

– Иду, – Клим спрятал рацию и засобирался.

– Так ты тут – комендант? – искренне удивилась Белкина. – Звучит-то как... Комендант президентского поезда. Почти что «комендант Смольного» или «комендант Кремля». Эдакий Бонч-Бруевич...

– Да, комендант. И все пассажиры, согласно инструкции, обязаны меня слушаться, – Бондарев вышел в коридор, устланный ковровой дорожкой.

– Товарищ Бонч-Бруе... то есть комендант, – казалось, оператор Виталик сейчас опустится на колени, чтобы вызвать к себе как можно больше жалости. – Не могли бы вы...

– Поинтересоваться у президента насчет жидкости для смывания лака с ногтей? – улыбнулся Клим. – Как я знаю наверняка, наш президент по утрам такое не пьет. Он и по вечерам этого не пьет, я точно знаю.

– Пи-и-ива... – протянул оператор. – Я же работать не смогу! Рука нужную кнопку не отыщет!

– Никакого пива, – строго пресек Бондарев. – Вы находитесь на режиме правительственном объекте... и вообще – нельзя поощрять чужие пороки. Тем более, по вашему виду я уже вижу, что глоток пива – это лишь первый шаг к запою. Лучше примите душ, попейте чай с лимоном, отоспитесь – и все будет хорошо.

– Тогда я на первой же станции отсюда сбегу! – в сердцах бросил Виталик. – Ищите себе другого оператора!

Кабинет президента занимал ровно половину вагона – в другой половине располагались спальня, блок спецсвязи, душевая и прочие жизненно необходимые для президентов, и не только для них, заведения.

Рабочий стол у бронированного окна был точь-в-точь такой же, как и кремлевский – начальственный и державный. Стул с высокой спинкой, инкрустированный позолоченными двухголовыми орлами, неуловимо напоминал трон. И лишь роскошные гладиолусы оживляли официальный интерьер.

– Я только что получил оперативную информацию об этом санитаре из твоей поликлиники, – молвил глава государства, едва поздоровавшись. – Работает на шестнадцатой подстанции «Скорой помощи» меньше двух месяцев. Все чисто. То есть никакого отношения к ФСО, ФСБ и так далее.

– Он хотел меня убить, – упрямо сказал Бондарев. – Он толкал меня в шахту лифта.

– Насчет лифта есть заключение наших экспертов, и я им доверяю, – попытался успокоить президент. – Действительно – неисправность реле. Такое иногда случается.

– И когда на твоих охранников неизвестно откуда выкатывается цистерна жидкого азота – тоже случайность?

– Будем считать – две случайности.

– Кто занимался расследованием происшествия в поликлинике? Небось, Подобедов?

– Ты угадал.

– Ну, это, конечно, надежный источник, – хмыкнул Бондарев.

– Клим, не надо драматизировать и искать врагов там, где их нет... В последнее время тебе исключительно заговоры да перевороты мерещатся.

– Постараюсь сохранять хладнокровие, – усевшись у окна, Клим взглянул в сторону блока спецсвязи, скрытого за дубовой панелью. – Кстати, спецсвязь во время поездки тебе все тот же Подобедов обеспечивает?

– ФСО и ФАПСИ, как и положено по штату. А с чего это ты вдруг заинтересовался?

– Да так... – после недолгих колебаний Бондарев все-таки решил развить тему вглубь. – Знаешь, какой самый простой и эффективный способ лишить тебя власти? Перерезать связь. Или снабжать заведомо ложной информацией.

– Надеюсь, до этого не дойдет. Каналы поступления информации имеют тройной и даже четверной дубляж, ты об этом и сам прекрасно знаешь.

– ...который осуществляют люди наподобие Подобедова. Или его прямые ставленники. Ладно. Тут останкинская общественность встревожена – с чего это вдруг минюст амнистировал боевиков Карташова?

– А-а-а, ты про этих недоумков... – президент неожиданно улыбнулся. – Ну, во-первых, горстка экзальтированных юношей для общества никакой опасности не представляет. К тому же среди них работает наша агентура – медленно и верно разлагает изнутри... Во-вторых – у нас амнистия по случаю очередного государственного праздника, и эти боевики как раз под амнистию попадают, так что все законно.

– Законно, – согласился Клим. – Только Карташов и его молодчики – обыкновенные фашисты и вполне состоявшиеся уроды-ксенофобы. В Германии за нарисованную свастику автоматически три года тюрьмы дают – и никто не кричит о нарушении прав и свобод. А тут – призывы к физическому уничтожению всех с нерусскими фамилиями. В Татарии, Осетии или в Туве про это расскажи, и я с секундомером в руке засеку, через сколько они захотят выйти из состава Федерации.

– Да я и сам понимаю, что карташовцы – уроды, – вздохнул глава государства. – Если бы все от меня зависело. Понимаешь – я твердо убежден, что каждый человек должен заниматься тем, к чему его Господь Бог сподобил. Ты вот блестяще выполняешь некоторые мои... м-м-м... щекотливые поручения. Люди, проектировавшие и строившие этот поезд, замечательно справились со своей задачей. А насчет карташовцев мне Глеб Чернявский посоветовал. И, по моему, он прав. Что ни говори – а политтехнолог он от Бога.

– Политтехнолог, по-моему, – чисто дьявольская профессия, – серьезно опроверг Бондарев.

Поезд постепенно замедлял ход. За вагонными окнами медленно надвигались городские окраины: приземистые пакгаузы, одноэтажные жилые домики и безразмерные бетонные заборы, за которыми станция прятала свою хаотичную изнанку. Ряды милиционеров в новенькой форме, двойной цепью окружавшие станцию, свидетельствовали о серьезных мерах безопасности, а свежеспеленные деревья и выкрашенные заборы говорили в пользу оперативности городского начальства.

– А насчет карташовцев попомни мое слово. Ты с ними еще натерпишься, – сказал Клим. – Джина легко выпустить из бутылки. А вот загнать его обратно гораздо трудней.

Глава 4

– Дорогие товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, русские люди! В этот тяжелый час, когда решаются судьбы нашей многострадальной родины, когда вся эта инородческая и иноверческая нечисть грифами-стервятниками слетелась на нашу страну...

На площади перед бетонно-стеклянным зданием мэрии стоял грузовик с откинутыми бортами. Растяжки с призывом записываться в ряды карташовцев, хоругви с Александром Невским и Дмитрием Донским, стилизованные свастики, а также лозунги с требованием немедленно перевешать всю нерусскую сволочь органично иллюстрировали речь оратора.

Карташов гнал текст в микрофон уже минут десять. Матюгальники по периметру площади горстями швыряли в толпу революционные фразы.

Это был первый официально разрешенный митинг карташовцев за последние годы. Народ, привлеченный сладостью запретного плода, постепенно заполнял центральную площадь небольшого подмосковного райцентра. Толпа валила по мостовым, разбиваясь о сверкающие линии стеклянных щитов ОМОНа. Впрочем, менты не трогали ни слушателей, ни активистов-карташовцев – многие из них даже сочувственно кивали оратору.

Несомненно, Карташов обладал врожденной харизмой: на многих слушателей, не обремененных интеллектуальным багажом, он действовал завораживающе, почти магически. Так бандерлоги из «Маугли» смотрели в рот питону Каа. Присутствуй на митинге Бондарев – он бы не преминул заметить, что и эта харизма от дьявола.

Карташов грамотно заводил собравшихся: тонко льстил, напоминая о великой исторической роли нации, взывал к социальной и национальной справедливости, пересыпая речь статистическими цифрами о количестве инородцев и иноверцев в бизнес-кругах России, даже провоцировал электорат, обзывая их стадом, послушно идущим на бойни.

– Если кто-нибудь из вас считает, что я не прав, – пусть пристрелит меня прямо сейчас, – в голосе оратора послышались дребезжащие истерические нотки. – Да, пусть пристрелит! И я этого не боюсь! На мою жизнь покушались уже сотни раз! В нашей многострадальной стране не привыкать стрелять ни по парламенту, ни по Конституции!

Стрелков не нашлось. Граждане – нищие, домохозяйки и бритоголовые ребята в кожаных куртках – одобрительно зааплодировали. Глаза и лица полнились неподдельным вниманием.

– Знаете, что нас спасет? – закричал Карташов. – Революция! Немедленная! Революция и победа!

Народ зааплодировал.

В толпе появился кинооператор. Окруженный рослыми ребятами в одинаковых серых костюмах, он прошел толпу, как раскаленный нож масло, и, остановившись перед грузовиком, наехал объективом на выступающего.

– Вот он, провокатор, прокравшийся в наши ряды! – кричал Карташов, указывая желтым от никотина пальцем в телевизионщика. – Он прибыл сюда, чтобы клеветать на наш митинг! Эй, кто там поближе? Хватайте его!

Несколько пар рук потянулись к камере, однако упитанная охрана грамотно пресекла агрессию. На импровизированную трибуну выбежал неприметный человек в штатском и что-то прошептал Карташову на ухо.

– Извините, я не знал, что вы представляете независимые средства массовой информации! – снова закричал оратор. – Мы рады приветствовать свободное слово!

Следом за Карташовым выступал отставной охранник ГУЛАГа, представляющий местный Совет ветеранов. Бывший мент, пописывающий рассказы в печатный орган местного МВД «На страже», выступал от имени творческой интеллигенции. Православный священник долго и нудно распинался о духовности, призывая передуть всех мусульман, буддистов, католиков

и униатов. При этом он то и дело путался в терминологии, что естественным образом наводило на мысль, что это – обычный самозванец в рясе.

Карташов быстро уловил нерв толпы и, перехватив у лже-попа микрофон, скомандовал:

– А теперь, дорогие соратники, попрошу записываться в наши ряды. Напоминаю, что революция – это почетная профессия, а каждая профессиональная деятельность должна оплачиваться. И она будет оплачиваться по высшему разряду и ежемесячно – даю вам честное слово!.. Революционер – он тоже человек, и потому не может питаться святым духом!

И хотя слова об «оплате» прозвучали некоторым диссонансом с революционной патетикой, предложение было понято и принято. К столам выстроилась очередь. Ожидания оправдались с лихвой: кроме конвертиков с наличными, на площадь подогнали несколько автоцистерн со свежим пивом, которое предлагалось неوفитам совершенно бесплатно.

К вечеру небольшой подмосковный городок гудел, как пассажирский лайнер во время круиза. Под каждым кустом валялись нетрезвые революционеры в майках с изображением свастики и призывом бить всех нерусских. Некоторые отливали прямо на улицах, и менты, обычно нетерпимые к подобным безобразиям, не трогали правонарушителей.

А в штабной бункер Карташова уже спешило городское начальство. Уловив веянья времени, чиновники желали выяснить, нет ли здесь какой-то хитроумной проверки лояльности со стороны Кремля и вообще – насколько это революционное мероприятие лояльно к властям вообще и к ним – в частности. Нина Чайка, как заместительница вождя по идеологической работе с населением, грамотно сформировала из чиновников живую очередь и на всякий случай раздала каждому по агитационному буклету, отпечатанному на прекрасной мелованной бумаге.

Впрочем, Карташов не спешил отвлекаться на подобные мелочи – он как раз давал интервью одной из популярных европейских радиостанций.

– Какова ваша экономическая программа? – поинтересовалась немецкая журналистка, подсовывая под нос Карташова микрофон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.